

УДК 789
ББК 85.318
Г59

Серия «Легенды русского рока»

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Годованник, Лев Борисович

Г59 Виктор Цой. Последний поворот: Журналистское расследование обстоятельств гибели Виктора Цоя / Л. Годованник. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2020. — 320 с. : ил. — (Легенды русского рока).

ISBN 978-5-17-123127-9

Эта книга — первое в России журналистское расследование, раскрывающее истинные причины гибели Виктора Цоя в августе 1990 года в Латвии. Автор развенчивает мифы о насильственной смерти легендарного рок-музыканта и опровергает официальную версию правоохранительных органов, из которой следует, будто он уснул за рулем. Журналистское расследование выявило виновника трагедии и должностное лицо, чьи действия позволили спустить это дело на тормозах.

УДК 789
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-123127-9

© Лев Годованник, текст, ил., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020
© Галина Кмит / РИА Новости, 2020

■ ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Виктор Цой погиб 15 августа 1990 года на 35-м километре шоссе Слока — Талси в Тукумском районе Латвийской ССР. Авария произошла около 11 часов 30 минут утра при ясной погоде и температуре воздуха + 28 градусов.

Музыкант находился за рулем автомобиля «Москвич-2141» (госномер Я 6832 ММ), за 35 метров до места столкновения он неожиданно съехал на обочину, а потом оказался на полосе движения встречного автобуса «Икарус-250» (госномер 0518 ВРН) под управлением профессионального водителя Яниса Фибикса. По официальной версии, это произошло из-за того, что Виктор Цой уснул за рулем.

В результате лобового столкновения Виктор Цой умер на месте, Янис Фибикс почти не пострадал.

Ни в «Москвиче», ни в «Икарусе» в момент аварии никого, кроме водителей, не было.

В этой книге я с помощью эксперта, собственноручных замеров на месте происшествия и старых фотографий восстановил полноценную схему ДТП, в котором погиб Виктор Цой. Она существенно отличается от официальной милицмейской схемы.

Удалось обосновать несостоятельность официальной версии, согласно которой Виктор Цой якобы уснул за рулем.

Эксперт констатировал отсутствие дорожных знаков рядом с местом ДТП, хотя в соответствии с ГОСТами они должны были там быть, чтобы предупреждать водителей о потенциальной опасности того участка дороги. Музыкант совершил как раз такой маневр, о недопустимости которого должны были предупреждать эти знаки.

Я выяснил, почему Виктор Цой за 35 метров до места столкновения с «Икарусом» съехал на обочину, а эксперт установил причину, по которой «Москвич» ленинградского музыканта неожиданно вылетел оттуда под встречный автобус.

Эксперт установил виновника той аварии — и это не Виктор Цой, как было принято считать до сих пор.

Я узнал, почему латвийская милиция в 1990 году не сделала того же самого.

А все началось с необычной встречи, которая произошла в мае 2019 года.

■ ПИСЬМО ДРУГУ

Когда-то мы проиграли суд одному мерзкому чиновнику. Липкий такой был хитрый карьерист с деньгами и связями. Я опубликовал статью о некоторых его художествах, а ты оказался одним из тех, кто участвовал в создании материала. Неплохая получилась статья, довольно резонансная — в понимании 90-х годов, конечно, когда интернет только начинался, а публикация была еще в бумажном издании.

Свою репутацию чиновник обелял в суде, где я и моя редакция выступали в качестве соответчиков, а ты был нашим свидетелем как непосредственный участник описанных событий. Владелец запачканной репутации нанял дорогостоящего адвоката и, как мне кажется, повлиял на суд не совсем законными методами — мы проиграли. Суд вынес решение весной, а к предшествовавшим ей новогодним праздникам главный редактор получил от гнусного чиновника поздравительную открытку. Мол, поздравляю, желаю — и в списке пожеланий что-то ядовитое про более тщательное отношение к фактам перед тем, как принимать решения об их публикации. Знал, в общем, заранее, что выиграет.

Лет пятнадцать спустя ты позвонил с незнакомого номера и предложил встретиться. К тому моменту я уже не работал в Агентстве журналистских расследований, считал себя фрилансером, а когда ты позвонил, собирался на дачу — дело было в пятницу. Но встретиться, конечно, согласился — столько не виделась! К тому же я о тебе слышал от общих знакомых: Москва, очень-очень солидная государственная контора, очень-очень высокий в ней пост, в общем, расстояние между дачей в окрестностях Петербурга и начинкой Садового кольца мне казалось почти таким же, как расстояние от того районного суда до Кремля. И жутко хотелось проверить верность стереотипа о том, как власть меняет людей, не считая простого человеческого любопытства, конечно: 15 лет-то прошло, любопытно, знаете ли.

По телефону ты что-то сказал про Виктора Цоя, но, помня твою бесконечную творческую настроенность, я особого значения этому не придавал — мало ли кто чем увлекается. Цой так Цой. Мне песни Высоцкого и Окуджавы намного больше нравятся.

Нашей встречи я ждал с мыслями о тебе и о том далеком судебном процессе, а вовсе не об известном рок-музыканте. Ну ладно, признаюсь: не люблю, чертовски не люблю проигрывать суды по своим публикациям. Более

того, ни одного и не проиграл — тот с гнусным чиновником оказался единственным. Так что ты был для меня тогда не только поводом вспомнить молодость (фигура речи — старым себя не считаю!), но и товарищем по неприятности, которая почему-то не забылась. Не позволили ей забыться мои профессиональные амбиции.

Ты сообщил о важной встрече, назвал модный ресторан на берегу Финского залива, это совсем недалеко от моей дачи, я ждал сигнала, чтобы куда-нибудь подъехать, когда твоя встреча закончится. Мы договорились примерно часов на 7–8 вечера.

Сигнал пришел позже, после 2 часов ночи. В мессенджере появилась от тебя фотография старой аудиокассеты (помните, может, как в 80-х и 90-х годах прошлого века мы пользовались кассетными магнитофонами?) с надписью шариковой ручкой на этикетке «Виктор Цой». Фотку сопровождало сообщение «Держи!». Проснувшись утром и увидев это, я стер из памяти телефона твой новый номер, который вписал туда за день до того. Нельзя, решил я, дважды вступить в одну и ту же реку, ну их на фиг эти тени из прошлого! А встречаться, чтобы «вспомнить молодость» — удел стариков. Пусть, думаю, руководит в своей Москве, там те, кто руководит, люди в большинстве своем неприятные, а ты, наверное, стал таким же, как тот мерзкий чиновник, выигравший у нас суд. И, вообще, где я и где Виктор Цой!

Год спустя, в мае 2019-го, все повторилось. Повторилось с каким-то безобразным дублированием обстоятельств. Пятница, я собираюсь на дачу (не думайте, что я увлечен огородами, но дача моей семье нравится: паримся в бане, дети гоняют на мотиках, ну и вообще — грибы, ягоды и просто очень красивые места), и ты снова звонишь, снова с незнакомого телефона — ну того самого, который я стер год назад от злости! — и снова просяшь о встрече, упоминая почему-то Цоя. Я вежливо поздоровался, вежливо посетовал на занятость и поделился дачными планами — не до тебя, в общем. Ты, конечно же, снова рассказал о грядущих важных переговорах в ресторане на берегу Финского залива и пообещал заехать сразу после их окончания. Со словами «Да-да, конечно» я нажал отбой и продолжил подготовку к отъезду.

Несколько часов спустя в мессенджер пришла фотография: табличка с названием железнодорожной станции, рядом с которой члены моей семьи ведут дачную жизнь. Ты попросил указать место, куда можно подъехать, и уже через полчаса мы пили чай в моем дачном домике.

Предложение провести журналистское расследование обстоятельств гибели Виктора Цоя привело меня к вполне приятному умозаключению: Садовое кольцо тебя не испортило, ты такой же веселый, творчески активный и немного сумасшедший — в хорошем смысле слова, в творческом, как раз такие вот сумасшедшие иногда создают что-нибудь приличное —

то, что начинает жить собственной жизнью и долго еще напоминает о своих авторах.

Когда ты поинтересовался размером гонорара, который я хотел бы получить за работу, я ответил шуткой: мол, такой-то суммы хватит, чтобы вникнуть в тему и провести какие-то подготовительные мероприятия в Петербурге. Сумма была не особенно велика (не хотелось, чтобы ты понял, что я прикалываюсь и не воспринимаю тебя всерьез), но и не особенно мала — по той же причине. Это была та самая сумма, услышав которую в роли заказчика, я бы от сотрудничества с ее назвавшим обязательно отказался. Ну ничего себе: ему нужно столько денег, чтобы вникнуть в тему — прочитать десяток статей в интернете, не отрывая задницу от стула! Наверное, он считает меня миллионером, обращусь лучше к кому-нибудь другому. Но на словах я бы, конечно же, согласился и соскочил потом, отделяясь фразами «мне надо подумать» или типа того.

Как будто все так и произошло — ты согласился и, как мне показалось, облегченно выдохнул. Позже-то я сообразил, что представления о деньгах в Петербурге и внутри Садового кольца не совсем одинаковые. Но тогда я еще больше удивился, когда ты сразу достал бумажник и отсчитал половину всей суммы.

Ты снова куда-то спешил и, оставив на столе папку с газетными публикациями и собственными размышлениями-набросками, направился к «Мерседесу», в котором тебя привез помощник.

— Да, кстати, — сказал ты на прощание, — почитав старые статьи, ты думаешь, будто Цой погиб в ДТП. Это херня, его убили. Айзеншпис все подстроил, скоро сам поймешь. Но не бойся — Айзеншпис умер и тебе ничего не сделает, смело работай. Вторую половину суммы скоро пришлю.

Мой вопрос, кто такой Айзеншпис, как я теперь уже понимаю, звучал по-идиотски, но тебя обрадовал:

— Продюсер Цоя — известный чувак — считаешь в интернете. Но это классно, что ты вообще не в теме, такую работу надо начинать именно с чистого листа — для объективности...

Сейчас думаю: действительно странно, как я мог никогда не слышать про легенду российского шоу-бизнеса Юрия Айзеншписа? Не хватает кругозора, в общем, за все эти годы слишком зарылся в драматических перипетиях петербургской организованной преступности.

А ведь такая версия действительно завораживает: незадолго до смерти Виктор Цой начинает работать с Юрием Айзеншписом, в это время популярность группы «Кино» растет бешеными темпами — бесконечные гастроли, концерты, деньги и снова деньги, и вот на вершине Олимпа злой гений шоу-бизнеса подстраивает смертельное ДТП, в котором Цой погибает. Страна в шоке, спрос на песни Цоя взлетает до космических высот, и Юрий Айзен-

Тот самый «Черный альбом»

шпис издает посмертный «Черный альбом» группы «Кино», который распродается фантастическим миллионным тиражом по невиданной на тот момент цене — 25 рублей (советских рублей!) за комплект с плакатом и разукрашенным пакетом.

Из чего состоит версия причастности кого-то к организации убийства? Из наличия у этого кого-то мотива и соответствующих возможностей (даже киллера не всякий знает, как найти!), а у расследующих преступление сыщиков — соответствующих улик. Проживший большую часть жизни в лагерях за совершение уголовных преступлений Юрий Айзеншпис имел и мотив, и возможности. Мне предлагалось найти улики.

— Может быть, — спрашиваю, — Айзеншпис все-таки непричастен к гибели Цоя?

— Может быть, и непричастен, — отвечаешь ты.

— Но даже за твои деньги я буду работать честно, и результат будет таким, какой получится.

— Конечно. Но это точно Айзеншпис...

Кстати, лет 25 спустя после гибели Виктора Цоя в одно из самых крупных и успешных детективных агентств Латвии обратился некто, заказавший расследование обстоятельств его смерти. Этот некто заплатил крупную сумму в евро, и контора, конечно же, с удовольствием приняла заказ. Сыск поручили детективу, бывшей сотруднице латвийских спецслужб. Молодая, умная, образованная, с отличными профессиональными качествами и очень даже сексуально привлекательная, она активно взялась за работу и довольно быстро наткнулась на противодействие. Как-то ночью в ее дом пробрались неизвестные. Подкараулили в комнате, где спал ребенок, и сильно напугали. Женщина поняла, что должна отказаться от расследования, но очень не хо-

тела этого. Ведь пришлось бы что-то объяснять хозяину, возвращать деньги клиенту, что совсем уж не соответствует принципам рыночной экономики.

Упорная сыщица познакомилась с мужчиной, россиянином, бывшим сотрудником Следственного комитета из Петербурга. Тематически так познакомилась — попала вместе с ним в ДТП: он врезался в ее машину, выруливая с второстепенной дороги, потому что был пьян. Бурная сцена, слезы, пощечина, внезапно вспыхнувшая страсть — и бывший следок берется за поиск тех, кто организовал убийство Виктора Цоя, подстроил ДТП. Он смел, дерзок и эффективен, он находит водителя автобуса, с которым в августе 1990-го столкнулся «Москвич» ленинградского музыканта, и давит на него, давит привычными полицейскими методами: под видом журналиста, желающего взять интервью, приходит в дом, бьет, угрожает пистолетом — все, как в сериалах про будни полиции.

Водитель признается. Он рассказывает, как его поймали на компромате — сняли на видео в постели с любовницей — и заставили поехать необычным путем из Риги, куда он отвезил сотрудников предприятия «Сельхозтехника», в Талси, где это предприятие располагается. На пустынной дороге ему сказали остановиться и ждать сигнала недалеко от того самого поворота, где все произошло. В нужный момент он поехал, разогнался и на полном ходу врезался в специально подогнанный к месту аварии «Москвич» с уже убитым Виктором Цоем. Все выглядело как трагическая случайность, и только человек, заказавший частное расследование инцидента 25 лет спустя, знал, как было на самом деле. Плюс водитель автобуса, рассказавший наконец-то правду — но не всю, только часть.

Он сделал вид, будто не знает, кто стоял за преступлением, хотя отлично знал — просто боялся рассказать, понимая, что рискует и сам погибнуть. Но тут появился тот, кого меньше всего ждали, — Виктор Цой. Да-да, настоящий и живой, хотя сильно постаревший, со шрамами и следами ожогов, но выживший вопреки всему. Он пришел к водителю автобуса и, когда тот очнулся от случившегося из-за этого обморока, попросил рассказать всю правду до конца: мол, пора. Просто попросил — вежливо даже, не повышая голоса, но водитель автобуса не смог отказаться. Так детективы вышли на одиозного продюсера, организовавшего убийство музыканта для получения сверхприбыли от выпуска посмертного «Черного альбома».

Исследование обстоятельств гибели Виктора Цоя захватило меня настолько, что я просто так, для души, на творческом порыве, написал начало такого сценария для возможного художественного фильма. Думаю, тебе хотелось, чтобы мое журналистское расследование двигалось именно по подобному пути, но, увы, жизнь диктует свои правила, и они основаны на реалиях, а не на бурной фантазии разнообразных авторов. Хотя, признаться, я придумал все как будто по-настоящему. Даже явившийся к водителю ав-

тобуса Виктор Цой был в моей задумке галлюцинацией: так у водителя началось спровоцированное муками совести и действиями частного детектива психическое расстройство. Но зрители узнали бы об этом только в самом конце фильма.

Наверняка найдутся критики, которые посмеются над моей идеей: мол, сюжет-то банальный, и приведут в пример ту же «Девушку с татуировкой дракона» или что-то еще. Может быть, они и правы. Но с другой стороны, банальным можно назвать и сюжет «Горя от ума»: вернулся чувак домой и выяснил, что его подруга собирается замуж за другого. Однако есть нюансы! У Александра Сергеевича Грибоедова неплохо получилось, почему бы и мне не порассуждать о том, что и этот фильм при умелом подходе вышел бы не таким уж плохим?

Мне не удалось найти ни одного, даже косвенного признака криминала в ДТП, ставшем для звезды русского рока смертельным. И, кажется, я этим разочаровал тебя, хотя прямо ты ничего такого не сказал. Мы оба умеем выполнять правила игры — честное расследование должно быть честным. Я взялся за работу, а ты, кроме обещанной в первый день суммы, оплатил мне пару поездок в Латвию. Правда, все остальное я уже делал благодаря поддержке других участников проекта, которых нашел сам, и за свой счет. Мне даже показалось, что к октябрю 2019 года ты утратил интерес к моей работе.

Но я его не утратил!

Журналистское расследование обстоятельств гибели Виктора Цоя стало второй в моей творческой биографии темой, которая серьезно и глубоко увлекла меня. В первый раз это случилось в 1986 году — тогда я начал собирать воспоминания людей, принимавших участие в ленинградской биографии моего любимого Владимира Высоцкого. Сбор информации длился до начала 90-х, а потом наступил двадцатилетний перерыв, в течение которого я стал журналистом и понял, как можно написать об этом интересную книгу. Она вышла в 2012 году, называлась «Тайные гастроли. Ленинградская биография Владимира Высоцкого», и, кстати, все четыре тиража были благополучно распроданы.

Обложка моей первой книги

Видимо, за эти 20 лет произошел процесс моего творческого созревания. И уже будучи творчески зрелым человеком, как только я начал работать над новой темой, я почти сразу знал, как надо работать.

Все, что найдено в ходе моего журналистского расследования, я отыскал лично. Исключение составляют две вещи, которые я бы, наверное, сам не нашел, но именно они были основополагающими.

Во-первых, сама идея. Без тебя мне ни за что не пришло бы в голову заинтересоваться Виктором Цоем. До той встречи на даче я даже не слушал его песни, хотя некоторые из них, конечно же, где-то когда-то слышал — «Группу крови», например. А потом скопировал их на флешку, включал в машине, чем даже доставил некоторое удовольствие своим детям. Мой младший сын Дёма особенно прикипел к «Кукушке» и «Группе крови» и часто просил включить, когда мы вместе куда-то ехали.

Во-вторых, твой приятель, коллекционер Виталий Фролов, прислал мне схему ДТП, в котором погиб Цой. Это была оцифрованная фотокопия схемы, которую нарисовали сотрудники латвийской милиции на месте происшествия. Историю этой схемы расскажу позже, но без нее точно ничего бы не вышло — ведь материалы официального расследования за давностью лет уничтожены, и до нашего времени вообще ничего не дошло. Исключение составили как раз эта схема и еще несколько документов, переснятых тем же фотографом (про него я расскажу отдельно).

Если такое сравнение уместно, ты стал Музой этого творческого проекта, Музой как раз в том понимании, как нарисовал ее в одной из своих песен Владимир Высоцкий:

Меня сегодня Муза посетила, —
Немного посидела и ушла!

Спасибо тебе за это.

И жаль, что твой официальный статус вынудил тебя просить, чтобы я сохранил твоё инкогнито.

ЧАСТЬ I

КРИВАЯ НА ОБОЧИНЕ

НЕ ВСТАВАЯ СО СТУЛА

Хочу начать с анекдота.

Трое математиков и трое физиков собираются ехать на поезде в другой город на конференцию. Они встречаются у кассы на вокзале. Первой подходит очередь физиков, и они, как все нормальные люди, покупают по билету на человека. Математики же покупают один билет на всех.

— Как же так? — удивляются физики. — Ведь в поезде контролеры, двоих из вас без билета ссадят!

— Не волнуйтесь! — бодро отвечают математики. — У нас есть МЕТОД.

Перед отправлением поезда физики располагаются в вагоне, но стараются проследить за применением загадочного «метода». Математики же втроем набиваются в один туалет. Когда контролер подходит к туалету и стучит в дверь, оттуда высовывается рука с билетом. Контролер забирает билет, и далее вся компания без проблем едет в пункт назначения.

После окончания конференции те же физики и математики вновь встречаются на вокзале. Физики, воодушевленные примером математиков, покупают один билет. Математики же не берут ни одного.

— А что же вы покажете контролеру? — спрашивают физики.

— Не волнуйтесь, у нас есть метод.

В поезде физики набиваются в один туалет, математики — в другой. Незадолго до отправления поезда один из математиков подходит к туалету, где прячутся физики. Стучит. Приоткрывается дверь, высовывается рука с билетом. Математик спокойно забирает билет и возвращается к коллегам.

Мораль: не стоит увлекаться внешними проявлениями, не разобравшись в сути вопроса!

Анекдот имеет прямое отношение к этой главе, что сам я понял не сразу, а лишь после одного события, которым глава заканчивается.

Любое журналистское расследование начинается со сбора первичной информации. В сегодняшней действительности это тот самый случай, когда действительно можно не отрывать задницу от стула, при условии, конечно, что вы сидите за столом, а на нем подключенный к интернету компьютер.

Сбор первичной информации — изучение истории вопроса с помощью открытых и специальных источников. Открытые источники — средства массовой информации, специальные — всякие информационные ресурсы, как общедоступные (библиотеки, архивы), так и закрытые. Последние мы тоже делим на две категории: ресурсы, доступ к которым разрешается всем, но за деньги, и ресурсы для служебного пользования. Информационный центр Министерства внутренних дел, например, или Государственной инспекции безопасности дорожного движения тоже входят в категории специальных источников при журналистском расследовании — предполагается, что у журналиста имеются неформальные связи с сотрудниками правоохранительных органов, и эти сотрудники ищут для журналистов что-то в доступных только им ресурсах. Не будем скрывать, тут присутствует элемент не то чтобы коррупции, но чего-то неправильного, такого, чего не должно быть в здоровом обществе.

В расследовании обстоятельств гибели Виктора Цоя закрытые специальные источники информации вряд ли могли пригодиться. Не вызывает сомнений, что музыкант попал в ДТП, будучи за рулем автомобиля «Москвич-2141» с государственным номерным знаком Я 6832 ММ. Несомненно также то, что, с точки зрения журналистского расследования обстоятельств трагедии, ни марка его машины, ни лицо, на которое она была зарегистрирована, ни тем более номерной знак не имеют ровным счетом никакого значения — во всяком случае до тех пор, пока не появятся основания считать по-другому.

Правда, в ноябре 2018 года один из российских аукционных домов продал номерной знак с автомобиля Виктора Цоя. Цена покупки составила 2 миллиона рублей, данные продавца, в соответствии с традициями аукционных домов, не разглашались. А мне очень хотелось бы их узнать — потому что никто не может сказать, где находится «Москвич» Цоя сейчас. В конце 1990 года его, по словам очевидцев, вывезли в Ленинград, и с тех пор след потерян — для меня, во всяком случае. Мне не удалось даже найти ни одной его фотографии, в том числе у коллек-

ционеров, у которых всегда есть всё или почти всё. Между тем осмотр экспертами остатков этой машины очень помог бы в исследовании обстоятельств аварии.

При осмотре повреждений автомобиля эксперт может получить такие сведения, как характер и степень повреждений, направление и силу приложенной ударно-динамической нагрузки. По этим данным устанавливается угол взаимного расположения транспортных средств в момент удара, количество ударных воздействий, наличие или отсутствие следов удара об иные предметы, кроме автомобилей. Данные, полученные при осмотре, помогают определить место столкновения и скорость движения автомобиля непосредственно перед ним.

Вдруг продавец номерного знака с того аукциона помог бы найти автомобиль, на котором когда-то висел знак? Но это так — мысли вслух...

Из специальных источников информации меня интересовали частные коллекции и архивы. Искренне признателен москвичу Виталию Фролову, который на протяжении всего периода работы совершенно бескорыстно высылал интересовавшие меня материалы из своей коллекции.

Но начал я с запроса Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области в Министерство внутренних дел Латвии с просьбой разрешить ознакомиться с материалами уголовного дела, возбужденного по факту гибели Виктора Цоя. Это та самая формальность, которую следует делать всегда, не раздумывая. Да, прошло 29 лет, да, вряд ли многое сохранилось, но только после подобного запроса моя профессиональная совесть будет чиста — сделал все, что мог.

Ответа не последовало, а позже руководитель пресс-службы латвийской полиции Сигита Пилдава (это другая пресс-служба, не эмвэдэшная) порекомендовала обратиться в Национальный архив Латвии, и мне не оставалось ничего, кроме как последовать совету.

Два ответа из Национального архива Латвии поставили жирный вопросительный знак в этом направлении расследования:

«Информируем Вас, что при рассмотрении уголовных дел Тукумского районного суда (фонд № 425) и Тукумской районной прокуратуры (фонд № 422), находящихся в распоряжении Национального архива Латвии с 1990 года по 1991 год, не найдено уголовное дело Цоя Виктора, также в учетных журналах завершенных дел Отдела внутренних дел Тукумско-

На с. 16: Запрос Союза журналистов в МВД Латвии

На с. 17: Запрос Союза журналистов в Национальный архив Латвии